

*П. С. Шахов, И. В. Зубов, Н. В. Леонова***ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР МОРДВЫ-ЭРЗИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В РАЗНОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЯХ (КАЛЕНДАРНЫЕ И КРУГОВЫЕ ПЕСНИ, СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ И ПРИЧИТАНИЯ)¹**

В статье на основе разновременных аудиоматериалов, записанных в населенных пунктах Кемеровской области в 1983, 2007, 2008 и 2011 гг., проводится исследование эрзя-мордовского песенного фольклора: календарных и круговых песен, свадебных песен и причитаний, включая необрядовый приуроченный пласт. Музыкально-поэтические тексты, записанные от сибирских переселенцев, анализируются в контексте автохтонных фольклорных традиций. При описании и сопоставлении разновременных кемеровских записей с европейскими вариантами авторы обращают внимание на некоторые поэтические, композиционные, слогоритмические и ладо-мелодические особенности песен.

Ключевые слова: песенный фольклор, разновременные записи, автохтонные и переселенческие фольклорные традиции, мордва-эрзя, фольклор народов Поволжья, Кемеровская область, сибирские переселенцы

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-229-244

Актуальность темы работы обусловлена необходимостью введения в научный оборот разновременных архивных, полевых аудиоматериалов и низкой степенью изученности фольклорных традиций сибирских переселенцев, в том числе Кемеровской области. В Таблице № 1 представлены сведения о разновременных аудиоколлекциях, записанных в ходе полевых исследований в Кемеровском регионе и хранящихся в Научном архиве НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (далее – НА НИИГН) и Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (далее – АТМ НГК).

Таблица № 1

Аудиоисточники по Кемеровской области²

Муниципальный / городской округ Кемеровской области	Населенные пункты	Коллекции НИИГН	Коллекции НГК
Прокопьевский м/о	с. Новорождественское	1983	2007, 2008
	с. Индустрия	–	2007, 2008
Ленинск-Кузнецкий м/о	с. Павловка	1983	2011
	пос. Родниковый	1983	2011
	с. Чусовитино	1983	2011
Гурьевский м/о и Беловский г/о	с. Кочкуровка	1983	2011
	с. Заречное (Улус)	1983	–
Чебулинский м/о	с. Николаевка	1983	2007

Материалы этих коллекций лишь частично исследованы в работах, посвященных общей характеристике песенного репертуара мордовского населения Сибири [Русайкин 1986], особенностям мелодики и многоголосия (с публикацией пяти кемеровских образцов из коллекции 1983 г.) [Лобанов 2008], краткой характеристике экспедиции 2007 года [Шахов 2008].

В настоящей статье осуществляется обзор разновременных фольклорных материалов эрзя-мордовского песенного фольклора Кемеровской области в контексте автохтонных фольклорных тра-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов» (№ 19-78-10113).

² В таблице приведены современные названия административных единиц и населенных пунктов.

диций по нескольким жанровым сферам: календарные и круговые песни, свадебные песни и причитания, приуроченный пласт необрядовых песен³.

Анализ архивных материалов 1983 г., а также автобиографических нарративов, записанных в экспедициях 2000-х гг., позволил обобщить сведения о местах и времени выхода сибирских переселенцев. Мордва-эрзя обследованных населенных пунктов Кемеровской области является потомками выходцев из сел ныне Кочкуровского и Чамзинского района Республики Мордовия. Наиболее ранние эрзянские переселенцы из с. Мокшалай (ныне Чамзинский район Республики Мордовия) переехали в сибирское с. Николаевка в 1871 году. Этим же периодом датирован переезд мордвы-эрзя из с. Подлесная Тавла (ныне Кочкуровский район Республики Мордовия) в с. Новорождественское, расположенное на берегу р. Киня. Позднее (с 1929 по 1959 гг.) в Новорождественское прибывали переселенцы из Чамзинского района Мордовии (с. Большие Ремезьнки и Малые Ремезьнки).

Эрзянские переселенцы из с. Подлесная Тавла так же переселялись на территорию Кемеровской области в 1920–1930-е годы (д. Афонин ключ и пос. Индустрия). В этот период наиболее интенсивное переселение осуществлялось из районного центра Кочкуровского района Мордовской АССР (Кочкурово), жители которого основали в Сибири одноименный населенный пункт, в названии которого позже появился суффикс -ка (Кочкуровка). Мордва-эрзя из Кочкурово также обосновывалась в сибирских селах Павловка (с 1918 по 1930 гг.) и Заречное/Улус (1920 г.). В Павловку также приезжали жители мордовских сел Новая Пырма (1924–1925 гг.) и Семилей (1937 г.). В кемеровском с. Чусовитино проживают мордва-эрзя из расположенной в 7 км. д. Ясная Поляна (исчезла в 1980-е гг.). По косвенным данным известно, что в Ясной Поляне проживали выходцы из с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия⁴. Новопырмавцы в 1955 г. так же приезжали в с. Заречное (Улус), где с 1920 г. проживали переселенцы из мордовского с. Кочкурово.

Представителей разных локальных традиций Поволжья (кочкуровской и чамзинской) при участии мордовских переселенцев с Алтайского края⁵ сформировали в пределах современных границ Кемеровской области ареалы эрзя-мордовской традиционной культуры.

В целом исследуемые жанры эрзянских фольклорных традиций Кемеровской области по различным временным источникам 1983–2011 гг. представлены 42-я образцами, включая варианты песен. Фольклорная коллекция 1983 г. является более объемной, а современные материалы не только характеризуют нынешнее состояние переселенческой традиции, но и степень ее сохранности.

Календарные и круговые песни

Народный календарь мордвы-эрзя Кемеровской области в обеих коллекциях представлен колыбельными песнями, записанными в 1983 (2 вар. Чусовитино, 1 вар. Павловка) и 2007 (Новорождественское) годах. При этом на ранних записях исполнители только проговаривают песенные тексты, а современный вариант зафиксирован в певческой форме. Все кемеровские варианты колыбельных песен начинаются с дважды повторенного возгласа «каляда, каляда», который в пропеваемом варианте становится рефреном и следует в начале каждого стиха. В основе колыбельки лежат восьмивременные ритмические периоды, соответствующие семисложному стиху с некоторыми вариантами слогоритма (3-4+3): см. пример № 1.

Пример № 1

Колыбельная песня (Новорождественское)

Каляда, каляда! Тупором-тапаром.	Тупором-тапаром.
Каляда, каляда! Уряж, давай сукором.	Сноха, дай лепёшку.
Каляда, каляда! Если а максак сукором.	Если не дашь лепёшку.
Каляда, каляда! Тазов пря чёра чачс(т).	Роди сына с чесоточной головой.

³ Подобная задача ставилась нами при описании песенных традиций мордвы-мокши Красноярского края [Шахов 2022].

⁴ В. Б. Русяйкин в комментарии к записанной в Павловке песне «Вай, маштыть, авкай, трямун-ванумун» указал, что ее «привезли из Ясной Поляны Кемеровской области во время свадьбы. В свою очередь песня привезена в Сибирь из д. Новая Пырма Кочкуровского района Морд. АССР» (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837. Л. 140).

⁵ Переселенцы из мордовского с. Подлесная Тавла в начале 1930-х гг. сначала приезжали в с. Еланда Тогульского ныне Целинного района Алтайского края, а после обосновывались в кемеровской Индустрии. В пос. Родиновом (3-я ферма) проживают мордва-эрзя из исчезнувшего ныне с. Покровка Сорокинского района Алтайского края, переезжавшие на Кузбасс с 1937 по 1942 гг.

<p>Каляда, каляда! Лавце ланга чийнезэ. Каляда, каляда! Поза парць ваязо. Каляда, каляда! Если максак суюкором. Мазый пря цёра чачс(т) – <i>Преве улизо, вадря улизо, умнай улизо</i>⁶.</p> <p>Зап. Леоновой Н. В. в 2007 г. в с. Новорождественском от Е. Л. Сарайкиной 1930 г.р. (АТМ НГК, колл. А0234)</p>	<p>Чтоб по лавкам бегал. В квасной кадке утонул. Если дашь мне лепёшку. Красивого парня роди – Чтоб умный был, хороший был, умный был.</p>
--	--

Первая строка состоит из непереводаемого фразеологизма «тупором-тапором», который встречается в текстах, бытующих в Сибири и на европейской территории: «тупуром-тапурум»⁷, «тупырам-тапарам»⁸, «тупором-тапором»⁹, «тувором-тавором»¹⁰. Колядка с последним вариантом возгласа кричалась только в том случае, если хозяйка дома выходила к колядующим без вознаграждения (см. комментарий к тексту № 1а [Памятники... 1988, 307]). Сопоставительный анализ текстов сибирских и поволжских вариантов колядных песен показал, что непереводаемый возглас всякий раз предшествует поэтическому мотиву требования подарка (*суюкором* в пер. с эрз. 'лепешка'), сопряженному с мотивами отрицательного пожелания / благопожелания.

Сравнительный ладомелодический анализ сибирского и «материнских» вариантов колядных песен с дважды повторенным рефреном позволил выявить общие и характерные особенности их напевов. Как кемеровская колядка, так и европейские варианты [Памятники... 1988, 61–63, 65, 68] интонируются в большетерцовом ладу с нижним опорным тоном. Отличия заключаются в особенностях мелодического рельефа дважды повторяемого возгласа «каляда, каляда». Во всех европейских напевах каждый возглас оформлен мелодическим движением от верхней опоры к нижней, поэтому рефрен представляет собой две одинаковые нисходящие мелодические линии. В сибирском образце мелодический контур дважды повторенного возгласа составляет одну нисходящую линию (в примере № 2 фрагменты транспонированы к общему опорному тону).

Пример № 2

Мелодические контуры рефренов-возгласов колядных песен

Европейские варианты	Кемеровский вариант
 <p>Ка - ля - да, ка - ля - да!</p>	 <p>Ка - ля - да, ка - ля - да!</p>

Таким образом, при наличии общей ладозвукорядной основы, сибирские и европейские варианты колядных песен отличаются мелодическими контурами. Так же следует отметить, что колядные песни с дважды повторенными возгласами имеют особый статус, о чем свидетельствуют данные заволжских переселенцев. С одной стороны, повтор возгласа обусловлен возможной ситуацией совмещения песни с пляской (при повторе возгласа, под колядку «хорошо плясать», что отражалось в самоназвании жанра 'киштемань каляда' (плясовая колядка) [Памятники... 1988, 307]), поэтому повтор носил факультативный характер¹¹. С другой стороны, форма колядки с дважды повторенным возгласом характерна для особых исполнительских групп – детей [Там же, 65, 68] и пастухов [Там же, 62–63].

⁶ Последняя строка проговаривается. Вариант этой строки, записанный П. С. Шаховым в 2008 г. от той же исполнительницы: «Аванзо вечкезы, тятянькстынь робутазо» (Чтобы мать любил, отцу помогал).

⁷ Борисово Залесовского р-на Алтайского края (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837. Л. 16–17).

⁸ Сабаето Кочкуровского р-на Республики Мордовия (НА НИИГН, фонд 1978/110).

⁹ Новая Пырма Кочкуровского р-на Республики Мордовия (личный архив Л. Н. Шамовой); с. Найман Большеберезниковского р-на Республики Мордовия [Устно-поэтическое... 1981, 53–54].

¹⁰ Мордовский Бугуруслан Оренбургской обл. [Памятники... 1988, 55].

¹¹ В комментарии к колядной песне № 5, зап. в 1984 г. в с. Красные Ключи Похвистненского р-на Куйбышевской области, приведен вариант напева, исполненного без повтора, при этом его мелодический контур соответствует напеву с дважды повторенным возгласом [Памятники... 1988, 307].

Только ранними записями представлен весенний период календарного цикла кемеровской мордвы-эрзи, связанный с песнями проводов весны. Однако в экспедициях 2000-х гг. записаны интересные сведения этнографического характера, описывающие мордовский праздник, приуроченный к последнему воскресенью троицкой недели, который назывался «Весна» (Чусовитино), «Веснань чи» (Павловка) или «Йгрища» (Новорождественское). В настоящее время в этот праздник мордва-эрзя поют русские лирические песни.

Песни проводов весны, записанные в 1983 г., исполняются во время шествия за «конем» («А, слобода, слобода», Кочкуровка) и при выносе «коня» из деревни для сожжения («Веснась ютась» (Весна прошла), Чусовитино). «Конь» представлял собой ряженое чучело, которое пронесли по деревне (Павловка), после чего сжигали. У мордвы-эрзи Алтайского края (с. Борисово) сжиганию предавался другой троицкий атрибут – «кукла» из соломы и тряпок, которую надевали на палку, девочки ходили с ней по домам с песнями, собирая яйца, из которых позже в одном доме «варили яичницу». Соломенную куклу потом сжигали и бросали в реку. Мордва-эрзя Кемеровской области называли «куклами» двух ряженных девушек, которые в воскресенье после Троицы плясали перед каждым домом, а остальные пели под гармошку, хозяева выносили вареные яйца, которые молодежь съедала в лесу (Чусовитино, Павловка). Возможно, информация, записанная с промежутком около 30 лет – о сжигании «коня» (1983 г.) и ряжении девушек «кукол» (2011 г.) – дополняет друг друга, создавая целостную картину окончания праздника Троицы [Шахов 2020, 95–96].

Собиратель В. Б. Русяйкин предположил, что песня «А, слобода, слобода» (Кочкуровка), исполняемая девушками во время шествия за «конем», из «семейно-бытовой перешла в разряд хоро-водной» (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837. Л. 130). Подтверждением этому служит круговая песня «Верьга юты Машура» (Поверху идет Машенька), три варианта которой записаны им же в селах Кемеровской области (Павловка, Кочкуровка, Новорождественское). В календарной и круговой сибирских песнях встречается общий сюжетный мотив – у вдовы три сына, старший нелюбимый сын (см. Пример № 3).

Пример № 3

Соотношение календарной и круговой песен кемеровской мордвы-эрзи

Фрагмент календарной песни «А, слобода, слобода» (Кочкуровка) (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837, л. 129–130)	Фрагмент круговой песни «Верьга юты Машура» (Павловка) (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837. Л. 111–112)
<p>Довань колма цёранза. Колмо саинь урьванза. Покш цёранзэ да а вечксэ. Чопода кардсо кирцэ. Суткань, суткань а янцэ. Кавтынь, кавтынь а симце.</p> <p>Зап. В. Б. Русяйкиным в 1983 г. в с. Кочкуровка Кемеровской области от Савелькаевой Е. Я. 1919 г.р., Литяевой М. Ф. 1918 г.р., Макарейкиной А.А. 1910 г.р., Кудашкиной М.Г. 1915 г.р., Занкиной А.А. 1907 г.р.</p> <p>У вдовы три сына. Три взятые снохи. Старшего сына, да, не любит. В темном сарае держит. Сутками его не кормит. По двое (суток) его не поит. Перевод В. Б. Русяйкина</p>	<p>Дованть колмо цёранзо, Колмо саень урьванзо, Колмо вейксэть нуцьканзо. Покш цёранзо а вечксы, Чопода кардсо кирьди, Суткань, суткань а андсы, Кавтонь, кавтонь морясы, Куштань кшиниде андсы, Мореной ведте симдсы.</p> <p>Зап. В. Б. Русяйкиным в 1983 г. в с. Павловка Кемеровской области от Тятюшкиной М.Ф. 1899 г.р.</p> <p>У вдовы три сына, Три [взятые] снохи, Трижды по девять внуков. Старшего сына (вдова) не любит, В темной конюшне держит, Сутками не кормит, По двое суток голодом морит, Заплесневелым хлебом кормит, Мореной водой поит. Перевод В. Б. Русяйкина</p>

Поэтический мотив о нелюбви вдовы к старшему сыну имеет место в ряде круговых эрзянских песен, записанных в европейской части России¹². Композиция европейских вариантов песни «Вирьга юты Машура» состоит из четырехстрочных строф, следующих друг за другом по типу цепной формы: ab / ab / b / cd – см. Пример № 4.

Пример № 4

Структура строфы европейских образцов песни «Вирьга юты Машура»

«Вирьга юты Машура» с. Мордовская Кармалка Лениногорского р-на Татарской АССР [Мордовские народные песни 1969, 308]		«Вирьга моли Машура» с. Большой Толкай Похвистневского р-на Куйбышевской обл. [Памятники... 1988, 289]	
13. Дованть колмо цёранзо, Дованть колмо цёранзо, Цёранзо, Колмо саень урьванзо.	ab ab b cd	11. Дованть колмо цёранзо, Дованть колмо цёранзо. Цёранзо! Колмо саень урьванзо.	ab ab b cd

В композиционном и слогоритмическом отношении сибирская календарная песня «А, слобода, слобода» идентична другому европейскому варианту круговой песни «Вирьга юты Машура» (По лесу идет Машенька), записанному в с. Новая Кармала Кошкинского района Куйбышевской области [Памятники... 1988, 303–304]. В обоих случаях структура поэтической строфы – трехстрочная с цепной строфикой (ААВ / ВВС) и повтором второй и третьей мелострок (АВВ₁) – см. пример № 5.

Пример № 5

Структура строфы и слогоритмическая реализация европейского и сибирского песенных вариантов

«Вирьга юты Машура» с. Новая Кармала Куйбышевской области		«А, слобода, слобода» с. Кочкуровка Кемеровской области	
4. Тосо эри довине, Тосо эри довине (да), Дованть колмо цёранзо. Там живет вдовушка, Там живет вдовушка (да), У вдовы три сына.	А А В	5. Довань колма цёранза, Довань колма цёранза, Колма саинь урьванза. У вдовы три сына, У вдовы три сына, Три взятые снохи.	А А В

Кроме этого, кемеровский и куйбышевский варианты можно отнести к образцам фольклорного двуязычия – их объединяет наличие трех строф, исполненных на русском языке (в сибирском варианте в начале песни, в европейском – в конце) – см. пример № 6.

¹² В Оренбургской области – «Вай, телине» (Вай, зимушка) [Памятники... 1988, 250]; в Куйбышевской области – «Вирьга моли Машура» (По лесу идет Машенька) [там же, 289], «Вирев моли Машура» (В лес идет Машенька) [там же, 295]; в Татарской АССР – «Вирьга юты Машура» [Мордовские народные песни 1969, 308]. Поэтический мотив о нелюбви вдовы к старшему сыну чаще всего следует во второй половине песни, в отличие от сибирского варианта «А, слобода, слобода», который с него начинается.

Пример № 6

Строфы на русском языке в эрзянских песнях

Куйбышевский вариант (с. Новая Кармала) «Верьга юты Машура»	Кемеровский вариант (с. Кочкуровка) «А, слобода, слобода»
5. Слободушка, слобода, Слободушка, слобода (да), Невеличка, не мала.	1. А слобода, слобода, да, Не велика, не мала.
6. Невеличка, не мала. Невеличка, не мала (да), Только сорок три двора.	2. Не велика, не мала Не велика, не мала, да, Ровно сорок три двора.
7. Только сорок три двора, Только сорок три двора (да), На краю там третий дом.	3. Ровно сорок три двора, Ровно сорок три двора, да, На краюшке третий двор.

Следует также отметить, что календарная песня «А, слобода, слобода» (Кочкуровка) по композиционным и слогоритмическим параметрам идентична сибирским вариантам круговой песни «Верьга юты Машура» (Новорождественское, Кочкуровка), которая в свою очередь составляет стилевое единство с другой круговой песней «Кува якан, гуляен», записанной в целом ряде кемеровских сел (Новорождественское, Кочкуровка, Павловка, Чусовитино) – см. Пример № 7.

Пример № 7

Фрагмент текста песни «Кува якан, гуляен» и слогоритмическая композиция строфы (Новорождественское)

Кува якан, гуляен, Кува якан, гуляен, Монць аванень а ёвтан.	Где хожу, гуляю, Где хожу, гуляю, Сама матери не скажу.
Монць аванень а ёвтан, Монць аванень а ёвтан, Ёвтань довань Просайнень.	Сама матери не скажу, Сама матери не скажу, Скажу вдове Просковье.
Зап. В. Б. Русайкиным в 1983 г. в с. Новорождественское Кемеровской обл. от Е. В. Ермушовой 1898 г.р. (НА НИИГН. Ед. хр. Л-836, л. 34)	Перевод И. В. Зубова

В с. Чусовитино песню «Кува якан гуляен» исполнили более протяжно, однако с сохранением трехстрочной композиции строфы, характерной для данной жанровой подгруппы круговых песен.

Все рассмотренные выше песни («А, слобода, слобода», «Верьга юты Машура», «Кува якан, гуляен»), бытующие у кемеровской мордвы-эрзи, составляют единый комплекс, объединенный в первую очередь музыкально-стилевыми и частично сюжетно-тематическими параметрами. Одна из этих песен («А, слобода, слобода») приурочена к весенне-летнему периоду календарного обрядового комплекса¹³.

¹³ По всей видимости высокая степень приуроченности необрядовых песен в целом характерна для массовых календарных праздников. Так, исследователи автохтонных мордовских традиций отмечают, что карнавал-шествие, завершающий проводы весны (эрз. «тундонь ильтямо», мокш. «тундань прважама»), сопровождался исполнением круговых песен, инструментальных наигрышей под пляску, а также протяжных песен, приуро-

Статистически степень сохранности круговых песен в настоящее время остается на высоком уровне (в ранней и современной коллекциях содержится по 11 образцов). Тем не менее, если в 1983 г. было зафиксировано семь вариантов песен, составляющих единую группу по музыкально-стилевым и сюжетно-тематическим параметрам (1 вар. «А, слобода, слобода», 3 вар. «Верьга юты Машура», 4 вар. «Кува якан гулеян»¹⁴), то в 2011 г. удалось записать только один фрагмент песни «Кува якан гулеян», исполненной на частушечный напев: «Это тоже песня, частушка, наверное» (А. В. Адмайкина, Павловка: АТМ НГК, колл. А0251), что свидетельствует об исчезновении из фольклорного репертуара данной подгруппы круговых песен.

Зато в настоящее время у мордвы-эрзи Кемеровской области, как и в других сибирских селах, хорошо сохранились круговые песни гибридного стиливого вида¹⁵, к которым относится чрезвычайно популярная песня «Самсон леляй ков якить?» (Брат Самсон куда ходил?) / «Исяк якинь Найману» (Вчера ходил в Найманы), записанная в восьми вариантах (3 вар. в 1983 г., 5 вар. в 2000-е гг.), «Кавто цёрат тикше ледить» (Два парня сено косили) (Чусовитино, 1983 г.; Новорождественское, Индустрия, 2007–2008 гг.), а также единичные записи песен «Луганясо келунясь» (На лугу береза) (Николаевка, 2007) и «Кода лёнась видеме?» (Как лён сеять?) (Новорождественское, 2008).

Круговые песни гибридного стиливого вида составляют группу песен с ритмическим контрастом во второй половине четырехстрочной строфы, который часто сопровождается различными элементами танцевальной пластики (прихлопы, притопы), чему способствует акцентный тип ритмики и появление рефренных вставок. Круговая песня «Луганясо келунясь» относится исследователями к одной из форм, заимствованных мордвой хороводных песен, а именно, к типу «На горушке, на горе» [Булычева 2003, 86–89]. Продолжая логику определения заимствованных напевов, предложенную Н. Е. Булычевой, круговую песню «Самсон леляй ков якить?» можно отнести к типу «На горе-то калина» в связи с близостью формы слогового ритма и мелострофы к известной русско-украинской песне (см. Пример № 8). Напев и некоторые сюжетно-тематическими линии песни «Кавто церат тикше ледить» связаны с русской песней про вора Игнашку «Пошли девки на работу», которая так же записана от кемеровской мордвы-эрзя с. Индустрия в 2008 году.

Пример № 8

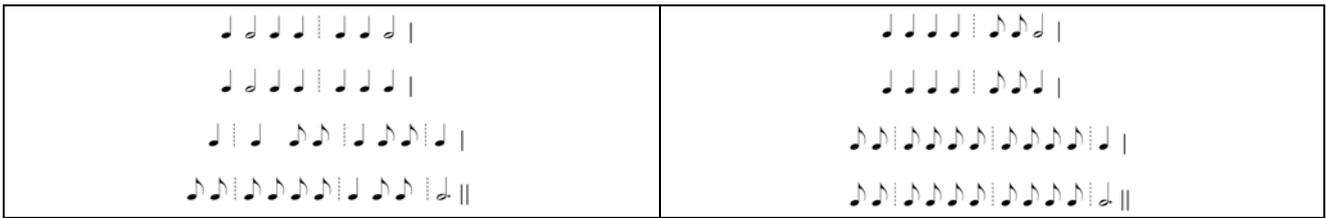
Структура строфы круговых песен и их слогоритмическая реализация

Тип «На горушке, на горе»		Тип «На горе-то калина»	
Луганясо куленясь,	ab	Исяк якинь Найману,	ab
Луганясо куленясь.	ab	Исяк якинь Найману.	ab
Точь-мочь, кумандерь, келунясь,	Rb	Исяк якинь, хорошенькай, Найману,	arb
Вечка кума, кумандерь, келунясь.	Rb	Исяк якинь, серинькай, Найману.	arb
Зап. Шаховым П. С. и Леоновой Н. В. в 2007 г. в с. Николаевка Кемеровской обл. от фольклорного ансамбля «Ялгам» (АТМ НГК. Колл. А0235)			

ченных к проводам весны [Бояркина 2011, 334–336]. Л.Б. Бояркина приводит нотную транскрипцию долгой песни «Илязо пува варма вирь ланга» (эрз. «Пусть не дует ветер над лесом»), которая по всей видимости приурочена к последнему этапу мордовского праздника проводов весны. Именно эта песня, относящаяся к лирическому, записана в селах Кемеровской области (Кочкуровка, Павловка, Чусовитино) в шести вариантах (3 вар. 1983 г., 3 вар. 2011 г.), но их исполнение не связано с обрядовым комплексом проводов весны. Тем не менее, сравнение сибирских записей с материнским вариантом позволило выявить как общие элементы, связанные с слогоритмической структурой напевов, так и различия, относящиеся прежде всего к ладомелодическим характеристикам [Шахов 2020, 127–130].

¹⁴ В своем отчете В. Б. Русяйкин отмечал, что песня «Кува якан гулеян» чрезвычайно распространена во всех сибирских сёлах (НА НИИГН при Правительстве РМ. Ед. Хр. Л-836. Л. 8).

¹⁵ Гибридный стиливой вид круговых песен определяется наличием: 1) заимствованного напева русских, украинских хороводных песен; 2) двухчастной структурой строфы с ритмическим контрастом (AA₁/BB), включающим разные типы ритмики (А – цезурированную; В – сегментированную) [Шахов 2020, 157, 162].

Широкое бытование эрзянских круговых песен гибридного стиливого вида в репертуаре мордовских фольклорных ансамблей с Николаевка («Ялгам», рук. В. М. Сергеева) и с Индустрия («Эрзянки», рук. А. Я. Шотт) привлекло внимание областных деятелей культуры, которые на материале песенно-танцевального фольклора мордвы-эрзи Кузбасса подготовили учебное пособие для руководителей творческих коллективов [Палилей 2012].

Отдельно следует сказать про песню «Ой, верьга, верьга» (Ой, высоко, высоко), записанную в 2007 г. в с. Николаевка¹⁶. Двустрочная строфа (АВ) состоит из 10-сложных стихов, координированных с напевом, в основе ритмической организации которого лежат квантитативные музыкальные стопы – см. пример № 9.

Пример № 9

**Типовой вариант слогоритмической организации мелострофы песни
«Ой, верьга, верьга» (Николаевка)**

Ой, ко-зонь, ко-зонь вал-гат яр-ца-му? / Пи-жи лу-га лангс вал-ганы яр-ца-му.

Свадебные песни и причитания

Как показывают разновременные источники, свадебный фольклор мордвы-эрзи со временем претерпел значительные изменения. Если в 1983 г. были записаны полноценные музыкально-фольклорные образцы свадебных песен и причитаний двух локальных традиций Кемеровской области (Кочкуровка¹⁷, Чусовитино¹⁸), то в 2000-е гг. при опросе информантов удалось зафиксировать некоторые этнографические подробности свадебного обряда и фрагмент корильной песни (Новорожденское¹⁹).

Благодаря материалам 1980-х гг. стало возможным в некоторой степени реконструировать последовательность обрядовых действий, которые сопровождалась эрзянскими песнями и причитаниями. Так, причитания ‘аварькшнимат’ исполнялись невестой в родительском доме во время благословения матери (Кочкуровка), во дворе дома жениха (причет-ответ корильщикам, обращение к лошади, обращение к чужой родне при снятии шубы, причитание при сходе с свадебной кибитки ‘он-авы’, при входе в дом жениха – Кочкуровка), а также внутри дома жениха (причитание у печного окна после смены девичьей одежды / украшения лентами / снятия фаты – Чусовитино, Кочкуровка). Развитый комплекс причитаний невесты в доме жениха характерен для автохтонной эрзя-мордовской традиции Кочкуровского района Республики Мордовия, о чем свидетельствуют описания свадебного

¹⁶ Близкий вариант поэтического текста песни «Ой, верьга, верьга», записанный в 1921 г. в с. Мачкасы ныне Пензенской области, помещен в серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» (т. 7, ч. 3) в раздел «Троицкие песни» среди песен проводов весны [Устно-поэтическое... 1981, 158].

¹⁷ Причитания невесты ‘аварькшнимат’, исполняемые в родительском доме (благословение матери), во дворе и в доме жениха; песни свахи, исполняемые в доме невесты и жениха; корильная песня ‘парявтнемат’, исполняемая в доме жениха при ожидании невесты; величание невесты при украшении лентами в доме жениха; песня благодарения родителей жениха, исполняемая родней невесты.

¹⁸ Причитания невесты в доме жениха; корильная песня ‘парявтнемат’ невесте, исполняемая родственницами жениха до и после венчания; величальная песня невесте, исполняемая в доме жениха после смены венчального платья; песня благодарения родителей жениха, исполняемая родней невесты.

¹⁹ Корильная песня на встрече жениха ‘парявтнема’.

обряда с. Старые Турдаки, расположенного в нескольких километрах от сел Семилей и Кочкурово, откуда приехали кемеровские переселенцы [Устно-поэтическое... 1972, 218–224]²⁰.

Музыкально-стилевой анализ причитаний невесты, зафиксированных в с. Кочкуровка, позволил выявить, что слоговая музыкально-ритмическая форма напевов опирается на цезурированные ритмические периоды со стабильным (5+3, 4+5) и нестабильным (2-6+3, 4-5+3-5) количеством слогов (Пример № 10).

Пример № 10

Фрагменты текстов и слогоритмическая форма свадебных причитаний 'аварькшнимат' (Кочкуровка)

Напев со стабильным количеством слогов (5+3)	Напев с нестабильным количеством слогов (4-5+3-5)
<p>Баславамак, авакай, Авуль кулумга, а ёмамга – Кувака пингинь эрямга.</p> <p>Зап. В. Б. Русяйкиным в 1983 г. в с. Кочкуровка от М. Ф. Литяевой 1918 г.р. (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837. Л. 45).</p> <p>Благослови, матушка, Не на смерть, не на пропажу – На долгую жизнь.</p> <p style="text-align: right;">Перевод И. В. Зубова</p>	<p>Эзинь радува ятынь чубазынк, Эзинь радува пырнавтызыт-сэрнявтызыт. Кельми гуинь ёжоза.</p> <p>Зап. В. Б. Русяйкиным в 1983 г. в с. Кочкуровка от М. Ф. Литяевой 1918 г.р. (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837. Л. 41–42).</p> <p>Не обрадовалась вашей вражьей шубе, Не обрадовалась вашему подарку²¹. Она (шуба) как холодная змея.</p> <p style="text-align: right;">Перевод И. В. Зубова</p>
	

Отличительными особенностями обладает напев причитания невесты, записанный в с. Чусовитино, ритмическая организация которого опирается на квантитативные стопы, каждая из которых соответствует слову, при этом мелострока состоит из трех ритмических стоп (см. Пример № 11).

Напев причитания невесты с. Чусовитино и рассмотренный выше образец круговой песни «Ой, верьга, верьга» (Николаевка) типологически схожи и относятся к квантитативно-стопному музыкально-ритмическому типу, который, как известно, является одним из основных в ритмической организации родственного мордве песенного фольклора удмуртов [Гиппиус 1941, 79], а также имеет прямое отношение к ритмике чувашской народной песни [Кондратьев 1990, 34].

²⁰ Свадебные причитания невесты, исполнявшиеся в обоих локусах (в родительском доме и в доме жениха), отличают кемеровскую от другой переселенческой традиции мордвы-эрзи Алтайского края, где невеста причитывает только в родительском доме.

²¹ Пырнавтызыт-сэрнявтызыт – дословно «собранное-приготовленное».

**Ритмические стопы причитания невесты ‘аварькшнимат’ с. Чусовитино
(звёздочкой * обозначены вдвое увеличенные стопы)**

Ритмические стопы	Мелострока		
	1 стопа	2 стопа	3 стопа
	6	–	–
	4	6	1*
	2	1	8 + 1*
	–	2	–
	–	1	–
	–	1	–
	–	–	2
	–	–	1

Причитание невесты, исполнявшееся в доме жениха после смены венчального платья (Чусовитино), сопровождалось одновременным исполнением родственницами жениха величальной песни. Возникающая при этом контрастная полифония музыкального кода свадьбы создавала «особую форму совместного пения» (термин М. А. Енговатовой), подчеркивая наиболее динамичную срединную фазу переходного ритуала. Величания невесты, исполняемые после ее переодевания в простое платье (Чусовитино) или при украшении ее лентами (Кочкуровка), как и песни свахи (Кочкуровка), а также песни благодарения родителей жениха, исполняемые родней невесты в конце свадьбы (Кочкуровка, Чусовитино) – все они интонируются на общий политекстовый напев ‘морсемат’, представляющий собой двустрочную строфическую композицию со стихом 5+3 в первой строке и 6+3 во второй (см. Пример № 12).

**Поэтическая строфа и слогоритмическая форма политекстового напева
‘морсемат’ (Чусовитино, Кочкуровка)**

Вай, Юртунь кирди, да, Юртава, да, Вай, вай, Карды сярка, да, матушка.	Вай, Держательница дома, да, Юртава, да, Вай, вай, Хозяйка двора, да, матушка.
Зап. В. Б. Русайкиным в с. Кочкуровка Кемеровской обл. от М. Ф. Литяевой 1918 г.р., Е. Я. Савелькаевой 1919 г.р. (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837. Л. 43–44).	Перевод И. В. Зубова.

Кемеровские варианты свадебных песен ‘морсемат’ чаще всего начинаются с поэтической строфы, состоящей из междометий «Ихя, ёх, вая, ёх, вая, ёх», что в целом согласуется с автохтонной традицией, о чем так же свидетельствуют опубликованные источники по Кочкуровскому р-ну МАССР (с. Старые Турдаки [Устно-поэтическое... 1972, 224–225]), Куйбышевской области (с. Подгорный Дол Клявлинского р-на [Памятники... 1988, 142]) и др.

В селах Кемеровской области так же записаны корильные песни ‘парявтнемат’, адресованные невесте, которые исполняются родней жениха во время ожидания. Форма напевов корильных песен строфическая двустрочная, включающая дважды повторенный семи-, восьмисложный ритмический период (Кочкуровка, Чусовитино): см. Пример № 13.

Пример № 13

**Поэтическая строфа и слогоритмическая форма
политекстового напева ‘парявтнемат’ (Чусовитино, Кочкуровка)**

Чинь чопотеманть учизе, Суньдерьгадыманть учизе. Зап. В. Б. Русяйкиным в с. Кочкуровка Кемеровской обл. от М. Ф. Литяевой 1918 г.р., Е. Я. Савелькаевой 1919 г.р. (НА НИИГН. Ед. хр. Л-837. Л. 46–47).	Захода солнца (она) дождалась, Сумерек (она) дождалась. Перевод И. В. Зубова.

Корильная песня, записанная в 2008 г. в с. Новорождественское (АТМ НГК, колл. А0240), адресована жениху и исполняется в доме невесты. Однострочная композиция напева включает в основном шести-, семисложные ритмические периоды (4+2-3): см. пример № 14.

Пример № 14

Слогоритмическая форма напева корильной песни (Новорождественское)

Особенности кемеровских вариантов свадебных корильных песен (семи- и восьмисложный стих, восходящий мелодический контур окончания напева, а также обилие эротической лексики) свидетельствуют о сохранности в переселенческой традиции базового стиливого комплекса, характерного для эрзянской свадьбы автохтонного бытования.

Приуроченные к свадьбе необрядовые песни

В коллекции 1983 г. также имеются образцы приуроченных к свадьбе эрзянских шуточных и лирических песен, исполняемых в доме жениха. К ним относятся шуточные песенные укоры, исполнявшиеся родственниками жениха, адресованные невесте (Кочкуровка). Один из имеющихся образцов «Саик, саик тейтирит» (Возьми, возьми свою дочь) на аудиозаписи проговаривается, другой исполняется с напевом строчной формы, координированным со стихом 4+4+5 (Пример № 15).

Пример № 15

Фрагмент текста и слогоритмическая форма шуточной песни «Ков тейсыник»

1. Ков тейсыник, ков тейсыник, те берень поланть? 2. Ков тейсыник, ков тейсыник, те берень вастанть? Зап. В. Б. Русяйкиным в 1983 г. в с. Кочкуровка от Е. Я. Савелькаевой 1919 г.р.	1. Куда денем, куда денем эту плохую жену? 2. Куда денем, куда денем эту плохую супругу? Перевод И. В. Зубова.

К ситуации благодарения свахи приурочена лирическая песня «Авулинь симе мон винада» (Не пила бы я вина), которую в доме жениха исполняли ‘сюокор ускицетне’ (досл. «везущие лепешки»)²².

²² Обычно это были стряпухи, родственницы со стороны жениха, которые пекли свадебные пироги.

Поэтическая двустрочная строфа песни состоит из восьмисложных стихов 4+4. Мелострофа включает дважды повторенный ритмический период со вставками из междометий ('э, да', 'эх', 'эхе') и сло-вообрывами, которые усиливают ритмическую пульсацию напева (Пример № 16).

Пример № 16

Фрагмент текста и слогоритмическая форма лирической песни «Авулинь симе мон винада» (Кочкуровка)

<p>1. Авулинь симе, э, да, мон винада, эх, Авулинь симе мон брагада. 2. Вечкан пара, э, да, мон родняда, эхе, Кельган²³ пара, э, да, совахада. Зап. В. Б. Русяйкиным в 1983 г. в с. Кочку- ровка от Е. Я. Савелькаевой 1919 г.р., М.Ф. Литяе- вой 1918 г.р.</p>	<p>1. Не пила бы, э, да, я вина, эх, Не пила бы я браги. 2. Люблю я хорошую, э, да, я родню, эхе, Люблю хорошую, э, да, сваху. Перевод И. В. Зубова.</p>

К необрядовым приуроченным песням также относится лирическая песня «Адядо, братцы, минек масторов» (Пойдемте, братцы, в наши края), которая исполняется родственниками невесты в до-ме жениха при приглашении его родни в дом невесты (Чусовитино)²⁴. Десятисложный стих (5+5) со-ставляет двустрочную строфическую композицию, мелострофа фактически состоит из одной сло-горитмической формулы, повторенной четыре раза (Пример № 17).

Пример № 17

Фрагмент текста и слогоритмическая форма лирической песни «Адядо, братцы» (Чусовитино)

<p>Адядо, братцы, да, минек масторов, Адяды, братцы, да, минек сторонав. Зап. В. Б. Русяйкиным в 1983 г. в с. Чусовитино от М. Л. Ереминой 1921 г.р., Е. Г. Лобановой 1911 г.р., М. Д. Живаевой 1905 г.р., П. И. Занкиной 1930 г.р., М. Е. Солдаткиной 1930 г.р.</p>	<p>Пойдемте, братцы, в наши края, Пойдемте, братцы, в нашу сторону.</p>

В с. Чусовитино в 2011 г. от Н. Е. Матюшкиной 1933 г.р. (АТМ НГК, колл. А0251) была запи-сана эта же песня, в которой полностью сохранены композиционные и слогоритмические особен-сти напева, зафиксированного в 1983 году.

Несмотря на то, что в настоящее время удается зафиксировать отдельные песенные образцы свадебной обрядности, включая приуроченную лирику, тем не менее, приходится констатировать практически полное угасание эрзянской свадебной традиции у переселенцев Кемеровской области. Вместе с тем, в 1983 г. и в 2000-е гг. от кемеровской мордвы-эрзи были записаны лирические песни

²³ Слово 'кельган' (люблю) – заимствование из мокшанского языка.

²⁴ В с. Павловка Кемеровской области в 1983 г. зафиксировано два варианта этой песни без жанровой приуро-ченности к свадебному обряду.

на русском языке, приуроченные к свадьбе, исполняемые в доме невесты, когда жениха встречали «Живи, живи, душа, Люда/Ира/Рая/Нюра» (Чусовитино, 1983; Павловка, 2011), когда невесту выкупали «У родимой маменьки» (Индустрия), которые заняли свое место в музыкальном оформлении свадебного обряда и пока остаются более сохранны.

Выводы

На данном этапе исследования эрзя-мордовского фольклора одного из сибирских регионов на материале календарных и круговых песен, свадебных песен и причитаний (включая необрядовый приуроченный пласт) нам было важно собрать воедино, описать и проанализировать разновременные аудиоисточники, записанные в селах Кемеровской области и по возможности установить связи с исходными поволжскими региональными традициями. Анализ архивных и полевых материалов позволил обобщить сведения о местах и времени выхода сибирских переселенцев, установить автохтонные локальные традиции Кочкуровского и Чамзинского района Республики Мордовия, связанные с переселенческим ареалом Кемеровской области.

Сформирован исчерпывающий корпус разновременных аудиозаписей по исследуемым жанрам, состоящий из 42-х образцов, включая варианты песен, 29 из которых зафиксированы в 1983 г., 13 – в 2000-е гг. Диахронический анализ разновременных коллекций показал высокую степень сохранности зимнего периода календарного цикла кемеровской мордвы-эрзи (колядные песни), а также круговых песен гибридного стилевого вида.

Музыкально-поэтический анализ календарных и круговых песен, записанных в 1983 г., позволил выявить группу песен, связанных общим поэтическим мотивом о нелюбви вдовы к старшему сыну («А, слобода, слобода», «Верьга юты Машура»), а также композиционными и музыкально-стилевыми параметрами: трехстрочная строфа цепной формы ААВ/ВВС с повтором второй и третьей мелострок АВВ («А, слобода, слобода», «Верьга юты Машура», «Кува якан, гулеян»). В настоящее время отмечено исчезновение данной подгруппы круговых песен из фольклорного репертуара кемеровской мордвы-эрзи при сохранении круговых песен гибридного стилевого вида.

В результате анализа свадебных причитаний невесты (Чусовитино, Кочкуровка), установлен наиболее близкий кемеровской традиции вариант свадьбы с. Старые Турдаки Кочкуровского района Республики Мордовия с развитым комплексом причитаний невесты на территории дома жениха. Музыкально-стилевой анализ свадебного причитания (Чусовитино, 1983) и круговой песни «Ой, верьга, верьга» (Николаевка, 2007) позволил отнести организацию их напевов к квантитативно-стопному музыкально-ритмическому типу, который является одним из основных в ритмической организации песенного фольклора удмуртов и чувашей.

Констатируя в настоящее время угасание свадебных фольклорных традиций кемеровской мордвы-эрзи, на материале ранних записей отмечена сохранность базового стилевого комплекса автохтонной свадебной традиции, о чем свидетельствуют выявленные музыкально-поэтические особенности свадебных песен ‘морсемат’ (зачинная строфа из междометий «Ихя, ёх, вая, ёх, вая, ёх»), двустрочная мелострофа со стихом 5+3 / 6+3) и корильных величаний ‘парявтнемат’ (обсценная лексика, двустрочная мелострофа со стихом 4(5)+3). Выявлены музыкально-стилевые особенности напевов шуточных и лирических эрзянских песен, приуроченных к свадьбе, исполняемых как стороной жениха, так и стороной невесты. Отмечено наличие разновременных записей русских лирических песен, исполняемых в доме невесты и занявших свое место в музыкальном оформлении свадебного обряда.

Дальнейшее детальное рассмотрение всего комплекса неприуроченных лирических песен кемеровской мордвы-эрзи позволит составить целостное представление о жанровой системе переселенческой фольклорной традиции Кузбасса.

ЛИТЕРАТУРА

Булычева Н. Е. Фольклор и фольклоризм периода формирования профессиональных традиций (на материале мордовской музыки) / под ред. Л. Б. Бояркиной. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2003. 240 с.

Гиттис Е. В., Эвальд З. В. К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // Записки Удм. НИИ ист., яз., лит. и фольк. при СНК УдмАССР. Вопросы яз., лит. и фольк. Вып. 10. Ижевск, 1941. С. 61–88.

Кондратьев М. Г. О ритме чувашской народной песни: к проблеме квантитативности в народной музыке. М.: Сов. Композитор, 1990. 144 с.

Лобанов М. А. Традиционные напевы южносибирской мордвы (песни, причитания) // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений: сб. науч. тр. / отв. ред., сост. Н. И. Бояркин. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2008. С. 343–393.

Мордовские народные песни / сост., муз. ред. и авт. предисл. Г. И. Сураев-Королев. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. 342 с.

Палилей А. В., Орлова А. П., Кимеева Т. И. Традиционная обрядовая культура и песенно-танцевальный фольклор мордвы и белорусов Кузбасса: методические рекомендации для руководителей творческих коллективов. Кемерово: ООО «Примула», 2012. 108 с.

Памятники мордовского народного музыкального искусства. Т. 3. Эрзянские приуроченные песни и плачи Заволжья. Сост. Н. И. Бояркин, под ред. Е. В. Гиппиуса. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1988. 337 с.

Русяйкин В. Б. О песенном репертуаре мордовского населения Сибири // Фольклор в творчестве мордовских писателей и композиторов. Тр. Науч.-исслед. ин-та яз., лит., ист. и эк. Т. 86 / сост., отв. ред. Н. И. Бояркин. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. С. 72–80.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6. Ч. 1. Эрзянская свадебная поэзия. Общ. ред. К. В. Чистова и Л. С. Кавтаськина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. 472 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3. Календарно-обрядовые песни и заговоры. Общ. ред. Б. П. Кирдана. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 304 с.

Шахов П. С. Песни мордвы-эрзя из трех сел Кемеровской области // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Мат. межд. науч. конф. Вып. 7. Под ред. Щегловой Т. К., Октябрьской И. В. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. С. 239–242.

Шахов П. С. Эрзянские и мокшанские фольклорные традиции сибирского бытования: свадьба, календарь, круговые песни / отв. ред. Н. В. Леонова. Новосибирск: Академиздат, 2020. 387 с.

Шахов П. С., Зубов И. В., Леонова Н. В. Мокшанский песенный фольклор Красноярского края и Республики Хакасия (к вопросу о соотношении автохтонных и переселенческих фольклорных традиций) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 166–182.

Поступила в редакцию 25.04.2023

Шахов Павел Сергеевич

кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник,
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
E-mail: pashahoff@mail.ru

Зубов Игорь Васильевич

кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8;
главный научный сотрудник,
НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия,
430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3
E-mail: komoro@rambler.ru

Леонова Наталья Владимировна

кандидат искусствоведения, профессор,
Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки,
630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Советская, 31.
E-mail: nleonova53@mail.ru

P. S. Shakhov, I. V. Zubov, N. V. Leonova

ERZYA MORDVIN FOLKLORE SONGS RECORDED IN DIFFERENT PERIODS IN KEMEROVO OBLAST (CALENDAR AND CIRCLE SONGS, WEDDING SONGS AND LAMENTATIONS)

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-229-244

In the following article, we use various audio materials recorded in 1983, 2007, 2008, and 2011, Kemerovo Oblast, to study the Erzya Mordvin song folklore, namely calendar and circle songs, wedding songs and lamentations, including non-ritual songs that are sung under certain circumstances. Records of musical texts and lyrics received from Mordvin settlers in Siberia are analyzed in contrast with autochthonous traditions. While describing and contrasting the Kemerovo records with the European variations of the same songs, we pay special attention to certain lyrical, compositional, syllabic-rhythmic, and mode-melodic traits of these songs.

Keywords: song folklore, records from various periods, autochthonous and migratory folklore traditions, Erzya Mordvin, Volga Region folklore, Kemerovo Oblast, Siberian settlers

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 229–244. In Russian.

REFERENCES

Bulycheva N. E. *Fol'klor i fol'klorizm perioda formirovaniya professional'nykh traditsiy (na materiale mordovskoy muzyki)* [Folklore and folklorism of the period of formation of professional traditions (based on the material of Mordovian music)]. L. B. Boyarkina (Ed.). Saransk, MSU Publ., 2003, 240 p. In Russian.

Gippius E. V., Eval'd Z. V. *K izucheniyu poeticheskogo i muzykal'nogo stilya udmurtskoi narodnoi pesni* [To study the poetic and musical style of the Udmurt folk song]. Zapiski Udm. NII ist., yaz., lit. i fol'k. pri SNK UdmASSR [Notes of the Udmurt Research Institute of History, Language, Literature and Folklore at the SNK UdmASSR]. Vol. 10. Izhevsk, 1941, p. 61–88. In Russian.

Kondrat'ev M. G. *O ritme chuvashskoi narodnoi pesni: k probleme kvantitativnosti v narodnoi muzyke.* [On the Rhythm of the Chuvash folk song: on the problem of quantity in Folk Music]. M., 1990. 144 p. In Russian.

Lobanov M. A. *Traditsionnye napevy yuzhnosibirskoi mordvy (pesni, prichitaniya)* [Traditional tunes of the South Siberian Mordvins (songs, lamentations)]. Finno-ugorskie muzykal'nye traditsii v kontekste mezhetnicheskikh otnoshenii [Finno-Ugric musical traditions in the context of interethnic relations]. N. I. Boyarkin (Comp., Ed.). Saransk, 2008, pp. 343–393. In Russian.

Mordovskie narodnye pesni [Mordovian folk songs]. G. I. Suraev-Korolev (Comp., Ed., Intr. art.). Saransk, 1969. 342 p. In Russian.

Palilei A. V., Orlova A. P., Kimeeva T. I. *Traditsionnaya obryadovaya kul'tura i pesenno-tantseval'nyi fol'klor mordvy i belorusov Kuzbassa* [Traditional ritual culture and song and dance folklore of the Mordvins and Belarusians of Kuzbass]. Kemerovo, 2012. 108 p. In Russian.

Pamyatniki mordovskogo narodnogo muzykal'nogo iskusstva: V 3 t. [Monuments of Mordovian folklore music: In 3 vols]. N. I. Boyarkin (Comp.), E. V. Gippius (Ed.). Vol. 3: Erzyanskie priurochennye pesni i plachi Zavolzh'ya [Erzya songs and lamentations of the Volga region]. Saransk, 1988, 337 p. In Russian.

Rusyaikin V. B. *O pesennom repertuare mordovskogo naseleniya Sibiri* [About the Mordovian songs of the Siberia]. Fol'klor v tvorchestve mordovskikh pisatelei i kompozitorov [Folklore in the works of Mordovian writers and composers]. Proceedings, vol. 86. N. I. Boyarkin (Comp., Ed.). Saransk, 1986, pp. 72–80. In Russian.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda [Oral and poetic creativity of the Mordovian people]. Vol. 6, iss. 1. Erzyanskaya svadebnaya poeziya [Erzya Wedding Poetry]. K. V. Chistov, L. S. Kavtas'kin (Ed.). Saransk, 1972. 472 p. In Russian.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda [Oral and poetic creativity of the Mordovian people]. Vol. 7, iss. 3. Kalendarno-obryadovye pesni i zagovory [Calendar-ritual songs and spells]. B. P. Kirdan (Ed.). Saransk, 1981. 304 p. In Russian.

Shakhov P. S. *Pesni mordvy-erzya iz trekh sel Kemerovskoi oblasti* [Songs of the Mordvins-Erzya from three villages of the Kemerovo region]. Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii [Ethnography of Altai and adjacent territories]. Vol. 7. Shcheglova T.K., Oktyabr'skaya I.V. (Ed.). Barnaul, 2008, pp. 239–242. In Russian.

Shakhov P. S. *Erzyanskie i mokshanskie fol'klornye traditsii sibirskogo bytovaniya: svad'ba, kalendar', krugovye pesni* [Erzya and Moksha folklore traditions of Siberian existence: wedding, calendar, circle songs]. N. V. Leonova (Ed.). Novosibirsk, Akademizdat, 2020, 388 p. In Russian.

Shakhov P. S., Zubov I. V., Leonova N. V. *Mokshanskii pesennyi fol'klor Krasnoyarskogo kraya i Respubliki Khakasiya (k voprosu o sootnoshenii avtokhtonnykh i pereselencheskikh fol'klornykh traditsii)* [Moksha song

folklore of the Krasnoyarsk Krai and the Republic of Khakassia (on the relationship between autochthonous and migratory folklore traditions)]. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 3, pp. 166–182. In Russian.

Received 25.04.2023

Shakhov Pavel Sergeevich

Candidate of Art Criticism, Senior Researcher,
Institute of Philology of the SB RAS
8 Nikolaeva st., Novosibirsk, 630090, Russia,
E-mail: pashahoff@mail.ru

Zubov Igor Vasilevich

Candidate of Philosophy, Senior Researcher,
Institute of Philology of the SB RAS
8 Nikolaeva st., 630090, Novosibirsk, Russia,
Research Institute of the Humanities,
3 Tolstoy st., Saransk, 430005, Russia
E-mail: komoro@rambler.ru

Leonova Natalya Vladimirovna

Candidate of Art Criticism, Professor
M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory
31 Sovetskaya st., Novosibirsk, 630099, Russia
E-mail: nleonova53@mail